

Н. П. ПОЛТОРАЦКИЙ

Пленный пророк

В духовном складе Николая Александровича Бердяева была не только хорошая, но и дурная наследственность. Его мать — урожденная Кудашева — «часто говорила, что Бердяевы не совсем нормальны, Кудашевы же нормальны» *. Сам Бердяев так характеризовал ту семейную обстановку, в которой формировался его ум и характер: «У нас образовалась атмосфера, родственная Достоевскому» **. Такие признания со стороны Бердяева, впрочем, довольно редки: он вовсе не склонен был по-настоящему открывать свой интимный мир. Он всегда лучше чувствовал себя в большом обществе, нежели с глазу на глаз, и писал, что у него нет склонности к дружбе. Невольно возникает вопрос, любил ли своего ближнего этот писатель, все творчество которого было связано с проблемой человека? Остается такое впечатление, что он любил своих близких, но любви к ближнему предпочитал любовь к дальнему. Впрочем, Бердяев был натурой сложной и раздвоенной, не цельной. В своей философской автобиографии он следующим образом резюмировал — в высоком плане — основное противоречие своей противоречивой природы: «С одной стороны, я переживаю все события моей эпохи, всю судьбу мира, как события, происходящие со мной, как собственную судьбу; с другой стороны, я мучительно переживаю чуждость мира, далекость всего, мою неслиянность ни с чем» ***.

* *Бердяев Н. А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, 1949. С. 29.

** Там же, с. 21.

*** Там же, с. 9.

Учитывая дихотомичность и противоречивость Бердяева, не приходится удивляться, что тема его новой посмертной книги «Царство Духа и царство Кесаря» * — не новая в его философском наследии. О «Царстве Божиим и царстве Кесаря» он писал особо еще в «Пути» **, а о «России Ксеркса и России Христа» — в «Новой России» ***. Эта тема роднит Бердяева с Вл. Соловьевым, которого он очень ценил, но не очень любил. Самый вопрос, обращенный к России: «Каким ты хочешь быть Востоком, Востоком Ксеркса или Христа?» — Бердяев расширил вновь до темы универсальной.

Царство Духа мыслится Бердяевым эсхатологически — как индивидуальное, социальное и космическое преобразование этого, объективированного, мира, который и есть царство Кесаря. Существует вечный трагический конфликт Христа-Богочеловека и Кесаря-человекобога, причем царство Кесаря принимает в истории самые различные формы. Власть техники есть последняя метаморфоза царства Кесаря, и ее фантастическое развитие как автономной сферы ведет к основному явлению нашей эпохи: к переходу от жизни *органической* к жизни *организованной*. Но стремление к отрицанию техники все же бессмысленно; нужно не отрицать технику, а подчинить ее духу.

Подобно технике к организованной жизни ведет и социализм, который есть также одна из трансформаций царства Кесаря. Марксизм есть предельное выражение коллективистического — сборного, а не соборного — социализма. Номинально в книге Бердяева социализму посвящена только одна глава, но в действительности проблема марксизма является как бы тем негативным фоном, на котором разворачивается все положительное содержание книги. И это естественно: марксизм всегда занимал исключительное место в размышлениях и духовной судьбе Бердяева. При всей сложности бердяевского отношения к марксизму мало кто сделал так много для идейной, исторической, логической и этической критики марксизма, как этот бывший социальный ученик Карла Маркса.

* Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Париж, 1951.

** Бердяев Н. Царство Божие и царство Кесаря // Путь. Париж, 1925. № 1. Сентябрь. С. 31—32.

*** Бердяев Н. Россия Ксеркса и Россия Христа // Новая Россия. Париж, 1939. № 74/75. 20 декабря. С. 19.

В том, что Бердяев пишет о марксизме в «Царстве Духа и царстве Кесаря», особенно поучительны два момента. Один из них касается мифов, другой — утопии.

Бердяев констатирует тот факт, что социальная психопатия гораздо сильнее социальной психологии. Абстракция большой мысли порождает *миф*, а миф делается реальностью, радикально меняющей общество и переворачивающей историю. История полна мифов, но марксизм особенно насыщен абстракциями, превращенными в мифы. И если без революционного мифа нельзя делать революций, то революционный миф всегда включает в себе бессознательный обман.

То же следует сказать и об *утопиях*, которые настолько присущи человеческой природе, что она не может обойтись без них. Утопии играют огромную роль в истории и могут оказаться более реальными, чем более разумные и умеренные направления. Так, большевизм считали утопией, но он оказался реальнее, чем капиталистическая и либеральная демократия. Вообще, утопии осуществимы, но при обязательном условии их искажения. Марксизм не есть социальная утопия, возможен опыт его реализации в социальной жизни. Но марксизм — духовная утопия, ибо он претендует победить самый трагизм человеческой жизни.

В чем же заключается в таком случае главное свойство утопии? Это свойство не в ее неосуществимости и не в видении грядущей гармонии, а в мечте о целостном мире. *Целостность* есть главный признак утопии. Но целостный, совершенный и гармонический строй не может быть осуществлен в пределах этого мира; такой строй в царстве Кесаря всегда будет истреблением свободы. Утопия всегда тоталитарна, и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира.

Это возвращает нас к проблеме монизма, дуализма и плюрализма в социальной метафизике, т. е. к основной теме всей книги Бердяева. Явление марксизма и иных духовных или социальных утопий свидетельствует о том, что необходимо всеми силами обличать ложь всякого *монизма*, который всегда есть источник тирании. Более был бы приемлем *плюрализм* в строении общества, и именно к этой формуле склонялся когда-то Бердяев в своей «Философии неравенства». Но с годами он во многом отошел от своих «писем к недругам по социальной философии». В «Царстве Духа и царстве Кесаря» Бердяев плюрализму определенно предпочитает *дуализм*. Ибо утверждение до времени дуализма «божьего» и «кесарева», дуализма природного и социального, как и дуализма общества и государства, есть, в представлении Бердяева, основной *источник свободы*.

Смерть застала Бердяева за его письменным столом. «Царство Духа и царство Кесаря» — последняя написанная им книга. Но у него были намечены и другие книги. О них он сообщал, в частности, швейцарскому пастору Эжену Поррэ. Сам Поррэ уже несколько раз писал о Бердяеве. Его новая книга *, задуманная как *популярная биография* Бердяева, воспроизводит жизнь и творчество последнего в связи с современной ему духовной, социальной и политической обстановкой в России и за границей. Следует всячески приветствовать настойчивый интерес и несомненную любовь автора к русской религиозно-философской мысли и ее представителям, а также его стремление передать этот интерес широким интеллектуальным и профессиональным кругам Западной Европы. Как же справился автор с поставленной себе задачей?

Характеристика многих современных и близких Бердяеву деятелей духовной культуры представляется нам, как правило, удачной. Но исторические и политические суждения автора о дореволюционной России, о большевизме и об эмиграции превосходят нередко левизну даже самого Бердяева. А ведь Бердяев считал себя представителем крайне левого фланга в общем спектре русских духовно-общественных течений. Поррэ приводит слова киевского прокурора, обращенные в конце прошлого века к молодежи, арестованной за участие в беспорядках (среди арестованных был и Бердяев): «Ваша ошибка состоит в неведении того, что социальная эволюция есть процесс органический, а не логический, и что ребенок не может родиться раньше девяти месяцев». Но сам Поррэ, говоря о социально-политическом развитии России, никаких выводов из этих разумных слов киевского прокурора не сделал. К тому же он как-то не замечает того факта, что темпы исторического развития дореволюционной России исчислялись десятилетиями, а не столетиями. Россия девятисотых и десятых годов этого века для него мало отличается от России не только 80-х и 90-х, но и восьмисотых и десятых годов прошлого века. Император Николай Первый оказывается «тираном» и «самым большим деспотом XIX века» **. Но и незадолго до революции если арестованных царской полицией в тюрьмах слишком не задерживали, то

* *Porret Eugène. Berdiaeff. Prophète des temps nouveaux. Neuchâtel; Paris: Delachaux & Niestlé, 1951.*

** *Ibid.*, p. 7.

лишь потому что тюрьмы были переполнены и мест не хватало*.

Аналогичны и суждения о большевизме. ГПУ всего лишь продолжило террор, чинимый охранкой**. Вообще, большевизм — явление, имеющее глубокие корни в самой русской истории; он — тут Поррэ повторяет несчастную мысль, высказанную Бердяевым полтора десятка лет тому назад в его «Истоках и смысле русского коммунизма», — есть помесь Маркса с Иваном Грозным, причем самое плохое, что есть в большевизме, идет от Ивана Грозного, а не от Карла Маркса. Столь же предубежденно характеризуется и русская эмиграция. Петр Струве думского периода назван вождем крайне правых, в эмиграции же он — деятель, «воплощающий самую черную реакцию»***.

Таким образом, эта сторона книги Эжена Поррэ никак не может почитаться удачной. Совсем иное впечатление оставляет та часть книги, в которой говорится о самом Бердяеве и его произведениях. Тут книга Поррэ — являющаяся результатом не только изучения жизни и творчества Бердяева, но и личного знакомства с ним и с близкими ему людьми и написанная живо и поэтически — значительно превосходит поставленные себе автором рамки «популярной биографии». И если в первоначальном отношении Поррэ к Бердяеву чувствовалась определенная связанность — настолько, что сам Бердяев должен был просить автора не изображать его в качестве какого-то «старца»****, — то эта новая книга написана значительно свободнее.

Подводя итоги жизни и творчества Николая Бердяева, Эжен Поррэ ссылается на Ромена Роллана, назвавшего Бердяева русским Пеги, но выдвигает и собственную формулу: «*пророк нового времени*». Таков и подзаголовок книги. «Профетизм» Бердяева имеет, однако, не столько религиозную, сколько философскую природу и связан с тем делением философских учений на научные и профетические, которое давно уже выдвинул Карл Ясперс, наиболее близкий Бердяеву из всех современных мыслителей.

* Ibid., p. 29.

** Ibid., p. 27 и 99.

*** Ibid., p. 122—123.

**** См. более раннюю книгу того же автора: *Porret Eugène. La philosophie chrétienne en Russe. Nicolas Berdiaeff / Ed. de la Baconnière. Neuchâtel, 1944.* Титульному листу предпослано факсимиле французского письма Бердяева к Поррэ, в котором Бердяев очень просит не писать, что он похож на старца.

Бердяев действительно был глашатаем наступления новой эпохи Духа и предшествующей ей новой социальной и технической эпохи, идущей на смену прежней — теллургической и гуманистической. Но есть и другое определение, принадлежащее одному из русских церковных иерархов и подхваченное в недавно вышедшей в США книге Мэтью Спинки: «*пленник свободы*» *. В формуле Поррэ звучит преимущественно мотив эсхатологически-профетический, у Спинки — метафизически-анархический. «Пленник свободы» больше связан с личностью Бердяева и с его философией свободы, «пророк нового времени» — с его учением о Новом средневековье и о Царстве Божьем. Законность первого определения признает и Поррэ, называющий Бердяева «гениальным человеком, не вмещавшимся в те суровые рамки, в которые хотел заключить его мир» **.

Нужно, однако, сказать, что если Бердяеву и удалось освободиться от многих стеснительных рамок этого мира и сокрушить многочисленные мифы и утопии земного царства Кесаря, то он навсегда остался в плену у собственной утопии и у своего собственного мифа: у самой неосуществимой из утопий — утопии свободы и у самого по виду совершенного из мифов — пророческого мифа о наступлении новой творческой антропологической эпохи. Бердяев был несомненно и пленником свободы, и пророком нового времени. Но более всего он был *пленным пророком*.

* *Spinka Matthe*. Nicolas Berdyaev: Captive of Freedom. Philadelphia: Westminster-Press, 1950.

** *Porret Eugène*. Op. cit, p. 179.